

ПАМЯТИ ЛЬВА ЕВГЕНЬЕВИЧА АРЕНСА
(15.08.1890 - 23.07.1967)

В 1965 году в Ленинграде на Малой Подъяческой, в доме 3, на 4-ом этаже в кв. 60 появился новый жилец - сухощавый пожилой человек с седой коротко стриженной, "шкиперской" бородой, большим лысеющим лбом - Лев Евгеньевич Аренс. Вместе с ним поселились его жена Сара Иосифовна, сын Евгений и внучка Вероника. Это был Лев Евгеньевич, человек удивительной и драматической судьбы, известный ученый, натуралист широкого плана, автор более ста научных работ, много лет числившийся "социально опасным элементом", без права проживания в больших городах, посвятивший свою жизнь изучению природы России. Он был также литератором, переводчиком, чья жизнь пересеклась с жизнью таких известных поэтов, как Николай Гумилев и Анна Ахматова.

Переезд в дом на Подъяческой для Льва Евгеньевича был возвращением после тридцатилетнего перерыва в места, дорогие его сердцу. Здесь, в этом районе города, называемом Колодной, он жил до своего ареста в 1935 году, здесь начиналась его профессиональная судьба. Тогда он работал в институте им. П.Ф.Лесгафта.

Как и ряд других сотрудников института, он проживал в 20-х годах в доме на улице Торговой (ныне ул. Печатников 25-а). Лаборатории института П.Ф.Лесгафта располагались рядом, в доме 32 по Английскому проспекту, пройти к ним можно было проходными дворами, не выходя на улицу. Дом, в котором проживали сотрудники, в свое время был подарен П.Ф.Лесгафту потомком сибирских промышленников Сибиряковым, почитателем его таланта. Лев Евгеньевич занимал с семьей на шестом этаже в квартире 11 две комнаты. На третьем этаже с семьей жил И.Д.Стрельников, впоследствии профессор, доктор наук. Соседом по шестому этажу был талантливый ученый Сергей Иванович Малышев. Под его руководством Лев Евгеньевич с 1919 г. принимал участие в организации заповедника в Курской области, в слободе Борисовка, будущего филиала института.

Еще студентом физико-математического факультета, по естественному разряду, Петербургского университета Лев Евгеньевич принимал деятельное участие в работе биологического кружка при биологической лаборатории П.Ф.Лесгафта. В 1918 г., по инициативе И.Д.Стрельникова, Л.Аренс был приглашен на должность помощника заведующего зоопсихологическим отделом, читал курс по биоценозу пчелиной общины и курс по медоносным растениям.

Научную работу Лев Евгеньевич начинал под руководством Леона Абгаровича Орбели, будущего опального вице-президента Академии наук.

До своего ареста он также сотрудничал с институтом растениеводства, которым руководил Н.И.Вавилов.

28 февраля 1935 года, Лев Евгеньевич Аренс был арестован. Его сын Евгений Львович вспоминает: "Мы с братом Игорем проснулись ночью и увидели двух незнакомых людей. Шел обыск. Они старались не шуметь, чтобы не привлекать внимания соседей. Третий человек был управдом. Обыск длился до утра. Управдом задремал, опершись на старый письменный стол бабушки. Как вспоминал папа, в столе хранились некоторые документы бабушки, которые благодаря этому обстоятельству сохранились. При обыске взяли разные предметы. У нас с братом была своя детская библиотека имени путешественника Шамиссо, которую для нас устроил папа. Была своя печать для книг и каталог, который сохранился до сих пор. Во время обыска из этой библиотеки была взята альбом русских царей, принадлежавший еще бабушке. Конфисковали испанский нож наваха, который бабушка привез когда-то из Испании, и которым мы точили карандаши. Мама не плакала, отец держался спокойно. Уходя, он

сказал: "Я скоро вернусь". Вернулся он через пять лет. И всю жизнь отмечал день возвращения 18 июня - как праздник. Он был арестован как социально опасный элемент, никакой статьи ему не предъявляли".

Во времени ареста Льву Евгеньевичу было 45 лет. Аресты коснулись многих сотрудников этого института. Обвинение предъявлено не было - Лев Евгеньевич проходил как социально опасный элемент.

Лев Евгеньевич родился 15 августа 1890 года в семье потомственного дворянина, морского офицера, героя русско-турецкой войны 1877-78 гг., Евгения Ивановича Аренса (1856-1931), впоследствии генерала флота, известного историка, ординарного профессора Николаевской Морской Академии, члена военного морского суда, флигель-адъютанта Николая II. Болезнь рук не позволила Льву Евгеньевичу выбрать военную профессию, которая была наследственной в их семье (дед Иван Апполонович Аренс был статским советником, интендантом, дядя преподавал в военно-инженерной Академии). Но в 1914 году Лев Евгеньевич добровольцем ушел на фронт, попал на турецкий театр действий, участвовал в сражении с турками на миноносце "Пронзительный" и был награжден Георгиевским крестом за храбрость.

Он был последним ребенком в семье, в которой кроме него, были три старшие сестры (первенец Николай умер в младенчестве).

После ареста 1935 г. комнаты на ул. Печатников были отобраны. Лев Евгеньевич отбывал срок в Гулаге, близ Медвежьегорска, в поселке Пушной. Его жена Сарра Иосифовна с младшим сыном была отправлена на поселение в Астрахань. Двое старших сыновей были взяты на воспитание старшими сестрами Льва Евгеньевича, проживавшими в Ленинграде. Вера Евгеньевна Аренс, замужем Гаккель, взяла к себе десятилетнего Евгения, Анна Евгеньевна Пунина взяла на воспитание Игоря. Евгений ездил с Анной Евгеньевной на единственное свидание с отцом в Медвежью Гору. «Там сидел цвет интеллигенции. Художник Русского музея Сычев писал папин портрет. Энтомолог Воскресенский Николай Михайлович был с Белой Церкви на Украине, папа потом переписывался с ним до конца жизни. Я читал папе стихи Лермонтова. Мы приехали зимой и жили дня три в комнате, которую нам выделили».

После освобождения в 1938 году Лев Евгеньевич был лишен права проживания в Ленинграде и поселился в Челово, деревне Заполье (направление на Оредеж).

В судьбе опального ученого принял участие академик Лев Семенович Берг - он взял его на работу по договору. Льву Евгеньевичу присылали статьи и книги на отзыв, он писал рефераты и получал за них небольшие деньги. Деревня находилась в 2,5 часах езды от Ленинграда. Дети оставались в Ленинграде, чтобы закончить образование. Евгений готовился поступать в университет.

Клеймо "социально опасного элемента" было снято с Льва Евгеньевича после 22 съезда партии. Но, лишенный права проживания в больших городах, он продолжал работать – и большую часть жизни жил и работал в заповедниках, опытных станциях, начиная с крайнего Севера и кончая югом России. Еще до своего ареста в 1933 году Лев Евгеньевич уехал на Север, с двумя сыновьями и женой, на опытную оленеводческую станцию в селе Тельвисочная, на реке Печора, близ Нарьян-мара. В 1948 году он защитит кандидатскую диссертацию по экологии пастбищ северного оленя).

Война застала Льва Евгеньевича в Холерском заповеднике "Лес на Воксле", на притоке Дона, где он занимался акклиматизацией дальневосточного оленя. Его взял на работу Л.А.Орбели. В мае 1941 в семье случилась трагедия – он потерял младшего сына – находясь в заповеднике, внезапно заболел и умер 12-летний Георгий. Во время блокады Ленинграда умер от голода Игорь. Старший сын Евгений 17-и лет ушел на фронт, участвовал в сражении на Курской дуге, был ранен и вернулся в Петербург в 1943 году.

Во время войны Лев Евгеньевич работал в Хоперском заповеднике, участвовал в сборе лекарственных трав для фронта, сборе семян дерновых растений для аэродромов.

После войны Лев Евгеньевич, по-прежнему лишенный права проживания в Ленинграде, работал в Колтушах, на опытной станции. Его особенно интересовали пчелы. Он ставил опыты, которые, по его мнению, свидетельствовали о проблесках разума этих насекомых со сложно организованным инстинктивным поведением.

В 1949-51 году, по рекомендации Л.А.Орбели он работал в заповеднике Барок в Ярославской области. С 1951 по 1961 г. Лев Евгеньевич жил и работал старшим научным сотрудником в Тебердинском заповеднике.

После 22 съезда, Л.Е. был реабилитирован, получил в Ленинграде квартиру «хрущевку», на окраине города и выменял ее на квартиру на Малой Подъяческой. В 1965 году, вернувшись в Коломну после тридцатилетнего отсутствия. Ему оставалось два года жизни.

Среди множества работ, написанных ученым, особняком стоит труд, который он готовил более 20 лет - о жизни французского путешественника, натуралиста и поэта Людовика-Шарль-Аделаланда де Шамиссо, совершившего кругосветное путешествие на русском бриге "Рюрик" (1815-1818 г.). Доклад о нем он сделал в Географическом обществе, членом которого состоял. Материал не был опубликован, но сохранился в его архиве. Интерес к биографии ученого и поэта имел особенные, свои личные причины. В нем он видел в какой-то степени самого себя. В биографии Шамиссо многое удивительно напоминало его собственную судьбу. Как и Шамиссо, потомок старинного дворянского рода, Лев Евгеньевич посвятил свою жизнь науке, стал путешественником.

Шамиссо – талантливый писатель, принадлежал к кругу литераторов, посещавших салон госпожи Де Сталь и был знаком с людьми, сыгравшими видную роль в литературной жизни революционной Франции. В молодости Шамиссо совершил преступление духовного характера, которое он сам же, символически, образно описал в своем рассказе "Тень". Речь идет о герое, который продает темному духу собственную тень и становится изгоем среди людей.

Лев Евгеньевич - поэт, автор более ста литературных работ, был знаком со многими поэтами серебряного века, в молодости дружил с Петниковым, Хлебниковым и др. поэтами революционного авангарда.

Лев Евгеньевич отдал дань увлечения безбожными идеями революции. Он вырос в семье глубоковерующих родителей. По рождению был крещен в Пантелеймоновской церкви Ораниенбауманского уезда, был верующим человеком. Но революцию Лев Евгеньевич встретил с энтузиазмом. Он участвовал в праздничной майской демонстрации 1918 года на Дворцовой площади, вместе с Маяковским. В 1920 году он приехал по поручению Наркомпроса в Крым, где сблизился с футуристами. Здесь он встретил свою будущую жену Сарру Савускан, на которой женился 21 декабря 1920 года. 7 октября 1921 года в Симферополе родился их первенец Евгений.

Но в Симферополе, во время отступления Белой Армии, стал свидетелем кровавых расправ гражданской войны, глубоко чуждых христианской душе. Выздоровление от тифа по горячей молитве, (согласно семейному преданию) вернуло его к вере в Бога. Перед замужеством Сарра Иосифовна приняла христианскую веру (лютеранство), а затем перешла в православие.

В конце двадцатых годов Лев Евгеньевич побывал в Оптиной пустыни вместе с другом – художником, встретился с последним ее насельником, оптинским старцем Нектарием. Какое благословение брали, о чем беседовали со старцем приехавшие из города трех революций – точно неизвестно. Все близко знавшие Льва Евгеньевича, вспоминали его как человека глубокой и искренней веры.

овал в
и для

ния в
ювали
песках

арок в
аршим

эртиру
В 1965
зь два

ый он
поэта
вие на
еском
я в его
ины. В
инное
инного
иком.
авших
юль в
ершил
исал в
енную

сом со
вым и

вырос
овской
ю Лев
айской
оду он
есь он
я 1920

этелем
душе
ернуло

В воспоминаниях (Наймана Ардова) сохранился эпизод, когда Льва Евг на кафедре спросили - "Как вы, просвещенный человек, можете верить в Бога он отвечал "Потому и просвещенный, что верю в Бога", указывая на первоначальный смысл понятия просвещенный. Посещал он Никольский собор, находившийся в доме. В его квартире на Подъяческой находилась семейная, из отцовского Смоленске, икона Казанской Божьей матери, на дереве. Последние месяцы своей жизни он тяжело болел. 21 июля 1967 года он попросил жену снять икону со стены и приложился к ней последний раз. Это был летний праздник иконы Божьей матери Казанской. 23 июля он скончался в полном сознании. Рядом до последних дней находился его сын. Похоронен Лев Евгеньевич на Обуховском кладбище Петербурга. После него остались многочисленные полевые и личные дневники, которые он бережно вел на протяжении всей своей жизни.

Л.Т.
С-Пт
radi